

Т.Н. Ковалева

**Библейские образы и мотивы в «Путевых поэмах»
И.А. Бунина «Тень птицы»**

В основу «Путевых поэмов» положены впечатления Бунина от путешествий-странствий по Ближнему Востоку в период с 1903 по 1909 гг., когда писатель побывал в Турции, Египте, Иудее, Сирии, Палестине, Алжире, Тунисе. Предостерегая от поверхностного понимания своих поездок, Бунин пояснял, что, прежде всего, его «занимали вопросы философские, религиозные, нравственные, исторические» [1: 656]. В 1907 г., готовясь к поездке по Ближнему Востоку, писатель серьезно изучает Библию, Коран, исследования, посвященные Древнему Востоку. Бунин подчеркивал, что воспринимал свои восточные поездки не про-

сто как путешествия, но как паломничество на Святую Землю. Об этом он напишет в лирико-философском эссе «Роза Иерихона»: «Совершал я свое первое дальнее странствие, брачное путешествие, бывшее вместе с тем и паломничеством во Святую Землю Господа нашего Иисуса Христа» [2: 166]. Поэтому библейские образы и мотивы имеют такое большое значение для понимания цикла «Тень Птицы».

Бунин неоднократно подчеркивает, с каким волнением начинает он свое путешествие по Иудее. Ведь это настоящее погружение в библейские времена! «Эти темные лавчонки, где тысячу лет торгуют одним и тем же; эти черные, курчаво-седые старики-семиты с обнаженными бурыми грудями, в своих пегих хламидах и бедуинских платках; измаилитянки в черно-синих рубахах, идущие гордой и легкой походкой с огромными кувшинами на плечах; эти нищие, хромые, слепые и увечные на каждом шагу – вот она, подлинная Палестина древних варваров, земных дней Христа!» [1: 540].

Правда, в самом начале поездки автор переживает почти по-детски наивное разочарование: «Только где же те «бездны», которыми будто бы поражают Иудейские горы? Где те высоты, что будто бы «еще дышат величием Иеговы и ужасами смерти?» [1: 541]. «Мы уже на большой высоте, солнце стоит низко, поднялся ветер – и дрожь пробегает по телу при выходе из жаркого вагона. Не дрожь ли горького разочарования?» – восклицает повествователь, видя «новый, но какой-то захолустный вокзал из серого камня», «оборванных извозчиков – евреев и арабов», «дряхлый, гремящий всеми болтами и гайками фаэтон» [1: 542]. Однако это разочарование, вызванное несовпадением современной действительности Иудеи с авторскими представлениями и картинками ее легендарного прошлого, быстро проходит, и Бунин с волнением узнает священные библейские места. Проезжая через Иудейскую долину, «усыпанную круглыми гольшами», автор вспоминает историю из Ветхого Завета: «Это именно здесь, в одной из этих котловин, «взял посох свой в руку свою Давид и выбрал пять гладких камней из ручья и поразили Голиафа...» [1: 541]. Для человека, незнакомого с Библией, Хеврон начала XX в. – «мусульманское гнездо, серый каменный поселок» [1: 546]. Однако для Бунина Хеврон – одно из самых древних святых мест Ветхого Завета, связанных с Авраамом: «Близ Хеврона Аврааму было явление Бога в виде трех Ангелов, здесь жили его сын Исаак и внук Иаков» [3: 10]. И. Бунин находит в Хевроне это святое место: на взгорье одиноко стоит «нечто вроде маленькой крепости, где почивают Авраам и Сарра – прах, равно священный христианам, мусульманам и иудеям» [1: 546].

Большая часть очерков цикла посвящена посещению тех библей-

ских мест, которые связаны с именем Иисуса Христа: «Тень Птицы», «Иудея», «Камень», «Шеол», «Пустыня дьявола», «Страна содомская», «Храм Солнца», «Геннисарет». Как верно отмечает А.А. Пронин, в этих рассказах «Бунин следует евангельским мотивам и сюжетам как доминанте собственного повествования» [4: 462]. Вместе с повествователем мы погружаемся в глубь веков, в библейское время-пространство, вместе с ним проходим по памятным местам: Иудейская долина, Иерусалим, улица Давида, Вифлеем, водоем пророка Иезекии, пещера Иеремии, стена плача, Камень Помазания, храм Гроба Господня, Голгофа, Назарет, храм Соломона, долина Иосафата, камень Мориа, пустыня дьявола, Геннисарет.

Для понимания авторской концепции мира в цикле «Тень Птицы» и роли библейских образов и мотивов необходимо охарактеризовать направление движения героя-повествователя. Это движение от древней ветхозаветной Иудеи к новозаветной: к Вифлеему Христа, к Назарету, Иерусалиму, к стране Геннисаретской. И это приближение к Христу, к новозаветным местам наполняет душу Бунина светлой радостью: «Все сильнее и радостнее чувствуется близость к какому-то далекому радостному утру дней Иисуса...» [1: 549]. Как справедливо утверждает О.А. Бердникова, «ощущение этой мистической и поэтической «близости» по мере продвижения автора «по следам Христа» постоянно возрастает» [5: 140].

Что касается рассказов, в которых преобладает новозаветное время-пространство, то здесь необходимо отметить интересный факт: Бунин ведет повествование о Христе не от рождения к распятию и смерти, а от смерти к жизни. Храм Гроба Господня и Голгофу Бунин воспринимает и описывает как пространства смерти и величайшей из трагедий. Описания этих мест наполнено знаками печали, горя, траура: «Я оборачиваюсь: мутно-лиловые облака плывут по бледно-алому закату. Выше заката неба точно нет: что-то бездонное, зеленоватое, прозрачное. Потом я снова гляжу на восток, и меня уже слепит печальная тьма быстро набегавшей ночи... Сумрачны стали купола Мечети и Гроба». Душевная боль, которую переживает автор, вспоминая крестные муки и смерть Спасителя настолько велика, что появляются кошунственные мысли о богооставленности мира: «Темным ветхозаветным богом веет в оврагах и провалах вокруг нищих останков великого города. Или нет, – даже и ветхозаветного бога здесь нет: только веянье Смерти... Место могилы Иисуса задавлено чернокупольными храмами. Мечеть Омара похожа на черный шатер какого-то тысячелетия тому назад исчезнувшего с лица земли завоевателя. И мрачно высятся возле нее несколько смоляных ис-

полинских кипарисов... «Се оставляется вам дом сей пуст...» [1: 544].

Описав в очерке «Иудея» тяжелое впечатление от посещения Гроба Господня и Голгофы, мест, связанных с мучениями, распятием и смертью Христа, в последующих очерках Бунин пишет о Нем, как о живом. Ветхозаветная Иудея представляется Бунину «полем мертвых», «могилой». Об этом говорит и эпитафия к очерку «Иудея» из Иезекиили: «И господь поставил меня посреди поля, и оно было полно костей» [1: 539]. Новозаветные библейские места, связанные с именем Христа, рисуются Буниным как пространства, наполненные светом, радостью, жизнью: «Вифлеем – жизнь, воздух, солнце, плодородие»; «Путь до Вифлеема самый живой из всех Иудейских путей. Я ехал утром, и в жарком блеске утреннего солнца и золотисто-синего воздуха тонули горы и долины на востоке, горячо и ярко белело шоссе передо мною, весело зеленели посеы по красноватым перевалам вокруг, в садах миссий ворковали дикие голуби... По пути в Вифлеем зеленели когда-то сплошные сады, где «деревья опускали цветы долу, воды цистерн выходном из краев и на всех ветвях пели птицы, приветствуя проходящую с младенцем на руках Марию...» [1: 544].

Особо Бунин выделяет те святые места, которые связаны с событиями земной жизни Иисуса Христа, описанными в Евангелии. Течение художественного времени в такие минуты замедляется – настолько значимо все, что связано с Его именем. Все описания библейских мест, напоминающих о земных днях Христа, наполнены особой теплотой, нежностью, трепетной любовью к Нему. Так, находясь в пустыне Иудейской и вспоминая евангельский сюжет о сорокадневном посте Иисуса Христа в пустыне и искушении дьяволом, повествователь переживает вместе с Ним Его испытание: «И что должно было испытать сердце Иисуса, обреченного провести здесь столько ночей – с их призраками, с лихорадочно-знойным ветром от Мертвого моря!» [1: 563]. «И живым кажется образ Иисуса. Сколько раз подходил он сюда, похудевший, побледневший за дорогу в пустыне!» [1: 562].

Бунин словно «проживает» евангельские события. Находясь на берегу Галилейского моря и видя рыбаков, он вспоминает строки Евангелия, когда Христос призвал «двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море», и восклицает: «Разве не мог призвать Он и этих?» [1: 585].

Цикл путевых поэм «Тень Птицы» завершается описанием святых мест Вифлеема, где родился Иисус Христос, и страны Геннисаретской, «где прошла вся молодость его, все годы благовествования, все те дни, незабвенные до скончания века, для них же и был он в мире» [1: 584].

С очерковой достоверностью и в то же время с особым душевным трепетом и поэтическим вдохновением Бунин изображает святые места, «где сочеталось столько дорогих для человеческого сердца воспоминаний» [1: 584]. «Это как бы овеществление Библии», – записала в своем дневнике во время путешествия В.Н. Муромцева-Бунина [6: 318]. Профессор П. Бицилли писал о глубоком понимании Буниным Ветхого Завета: «Никакой реально-исторический комментарий к Библии не дает столько, сколько маленькая книга Бунина» [7: 494].

«Путевые поэмы» Бунина, рожденные палестинскими впечатлениями, бесспорно, самое значительное, что написано о Святой Земле в русской литературе. Очерковая конкретность, поэтическое одушевление, мудрость, избегающая рассуждений и выраженная в душевных движениях, – все это делает бунинские страницы поистине драгоценными.

Библиографический список

1. Бунин И.А. Собр. соч. В 6 т. М., 1987. Т.3.
2. Бунин И.А. Собр. соч. В 6 т. М., 1987. Т.4.
3. По Святой Земле. В помощь паломнику. М., 2004.
4. Пронин А.А. «Евангельский «след» в цикле путевых рассказов И.А. Бунина «Тень Птицы» и поэма В.А. Жуковского «Агасфер» // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX в.в. Вып. 3. Петрозаводск, 2001.
5. Бердникова О.А. «Так сладок сердцу Божий мир»: Творчество И.Бунина в контексте христианской духовной традиции. Воронеж, 2009.
6. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 1989.
7. Бицилли П. Иван Бунин. Тень птицы // Современные записки. Париж, 1931. Т. 47.